

УДК 81'1

Иосилевич Н. В.

Владимирский государственный университет

ЯЗЫКОВОЙ СУБЪЕКТ, РЕЧЕВОЙ СУБЪЕКТ И ЭГО-КАТЕГОРИЯ

N. Iosilevich

Vladimir State University

LANGUAGE SUBJECT, SPEECH SUBJECT AND EGO-CATEGORY

Аннотация. Понятие «субъект» в современной лингвистике – многозначное понятие, имеющее несколько толкований. Необходимы надёжные критерии выделения данной категории в рамках высказывания. Выявление категории субъекта в речи следует осуществлять с позиций структурно-семантического направления, предполагающего многоаспектный подход к анализу языковых единиц. Следует проводить последовательную дифференциацию значений субъекта в лингвистике. Представляется целесообразным выделение трёх основных значений: языковой субъект, речевой субъект и эго-категория. В свою очередь, языковой субъект имеет подвиды: субъект-агенса, одушевлённый субъект, субъект лексической ориентации предиката, субъект-тема [5, с. 27]. Кроме того, субъектность языка как выражение в языке субъектного значения необходимо отличать от субъективности речи в значении её эгоцентричности. Субъективность речи имеет собственные формы выражения в языке: субъективация, топикализация, обособление, оценка.

Ключевые слова: языковой субъект, речевой субъект, эго-категория, я-говорящий, грамматика, семантика, многокомпонентный характер семантики.

Abstract. The concept “subject” in modern linguistics is the polysemantic concept which has several interpretations. Reliable criteria are necessary for differentiation of the category within the statement. Revealing of a category of the subject in speech should be carried out from the perspective of the structural-semantic direction which supposes the multidimensional approach to the analysis of linguistic unit. It is necessary to carry out consecutive differentiation of meanings of the subject in linguistics. It seems reasonable to name three major meanings: the language subject, the speech subject and an ego-category. In turn, the language subject has subspecies: a subject-agens, the animated subject, the subject of lexical orientation of a predicate, a subject-theme [5, 27]. Besides, subjectness of language as expression in language of subject meaning is necessary for distinguishing from subjectivity of speech in its self-centred meaning. The subjectivity of speech has its own forms of expression in the language: subjectification, topicalisation, isolation, an estimation.

Keywords: language subject, speech subject, ego-category, I-speaker, grammar, semantics, multicomponent type of semantics.

Известно, что в современной лингвистике субъект – многозначное понятие, имеющее несколько толкований, которые необходимо разграничить. Представляется целесообразным выделение трёх основных значений: *языковой субъект, речевой субъект и эго-категория.*

1. *Языковой субъект* – понятие многоуровневое. Оно имеет широкий спектр языковых средств (морфологические, лексические, синтаксические, семантические) для выражения в предложении. Так, например, понятия субъект-лицо, говорящее лицо, действующее лицо, субъект-агенса часто используются как синонимы [4, с. 39]. Но при детальном анализе обнаруживается, что говорящий субъект и субъект-лицо могут как совпадать в одной словоформе – *Я иду*, так и не совпадать – *Он идет*. Грамматическое значение субъекта-агенса залоговой конструкции и лексическое значение действующего лица также могут совпасть в одной словоформе

ме: *Мастер вытачивает деталь*, но встречаются также и случаи, когда действующее лицо не является агенсом залоговой конструкции: *Мастеру удобно вытачивать деталь*. Таким образом, анализ языка показывает, что есть языковой субъект-1, языковой субъект-2, языковой субъект-3... Чтобы не допускать при анализе высказывания смешения разнородных понятий *языкового субъекта*, всегда необходимо чётко определять уровень языка, в котором анализируется языковое явление – в рамках грамматики или семантики, а если в рамках семантики, то необходимо уточнять, какой именно семантики – грамматической, лексико-грамматической, коммуникативной и т. д. [5, с. 24]. Таким образом, *языковой субъект* реализуется в следующих языковых значениях: представленность субстанциальной словоформой в именительном падеже, агенс залоговой конструкции, одушевлённость субстантива, роль субъекта лексической ориентации предиката, роль темы при нейтральном порядке слов. *Языковой субъект* противопоставляется *языковому объекту*, имеющему, соответственно, ряд противоположных значений: выраженность словоформой в косвенном падеже, неодушевлённый субстантив, пациенс залоговой конструкции, объект лексической ориентации предиката, роль ремы при нейтральном порядке слов [5, с. 61].

2. *Языковой субъект* следует отличать от *речевого субъекта*. *Речевой субъект* – это отправитель речи [8, с. 173], наблюдатель [1, с. 7]. *Речевой субъект*, или субъект речи, необходимо отличать от субъекта сообщаемого факта. Я-говорящий – *речевой субъект*. Субъект сообщаемого говорящим факта – это уже *языковой субъект*. Таким образом, *речевой субъект* и *языковой субъект* – различные понятия. Они могут быть оба выражены в высказывании, совпадая или не совпадая в одной словоформе: так, в предложении «*Я говорю*» *субъект речи*, т. е. я-говорящий, совпадает с *субъектом языка*, так как выражается с помощью личного местоимения в форме именительного падежа.

В предложении «*Ты говоришь мне*» *речевой субъект*, т. е. я-говорящий субъект (отправитель речи), и *языковой субъект*, т. е. словоформа, занимающая привилегированную субстанциальную позицию в рамках предложения, не совпадают, а распределяются по разным словоформам: говорящий субъект, т. е. *речевой субъект*, репрезентирует себя в словоформе «*мне*», являющейся личным местоимением, но в косвенном падеже, обозначающей поэтому языковой объект восприятия чужой речи, а *языковой субъект* выражен именительным падежом местоимения *ты* в роли действующего (говорение в данном случае – это действие) субъекта.

В предложении «*Тебе не раз уже говорили об этом*» *языковой субъект* выражен имплицитно посредством личного окончания глагола, предполагающего возможность наличия субстантива в форме именительного падежа множественного числа, тогда как *речевой субъект* здесь никак не выражен с помощью языковых средств.

Речевой субъект составляет оппозицию с *речевым объектом*, т. е. объектом речи. В роли объекта речи выступают явления действительности. *Речевой субъект* – это обозначающий субъект. *Языковой субъект* – это языковой знак.

3. То, в какой языковой форме или с помощью какого языкового знака будет выражен *речевой субъект*, т. е. я-говорящий, и будет ли он выражен вообще в высказывании (см. последний пример), определяет сам я-говорящий, т. е. *речевой субъект*. Но я-говорящий, помимо возможности обнаружить себя в высказывании с помощью различных значений *языкового субъекта*, имеет возможность отражать и другие свои субъективные интенции посредством других языковых знаков, но не только субстантивных и субъектных форм и значений. «Наличие и «доля» эмоциональности характеризуют конкретное высказывание, определяются говорящим. Однако средства и формы передачи эмоционального объективны, предоставлены языковой системой» [6, с. 316].

При самовыражении в высказывании я-говорящий, или *речевой субъект*, репрезентирует себя с помощью различных языковых средств. Прежде всего, через различные значения *языкового субъекта*, т. к. субъективация – высшая ступень в иерархии способов выражения я-говорящего в языке. **Субъективация – это формальное признание языком я-говорящего при условии желания последнего обнаружить себя в языке.** Но я-говорящий может выражать себя в речи, используя не только субъективацию, но и другие языковые возможности – *топикализацию, обособление, оценку, эксплицитность*. В этом случае речь идёт уже о *субъективности*. *Субъективность* – это прерогатива я-говорящего выражать свои личные интенции в языке – в лексеме, в грамматической форме, в синтаксической позиции, в прагматическом выражении. Эти субъективные интенции являются проявлением в языке *эго-категории*, т. е. субъективности индивида, я-говорящего. Эту субъективность по-другому можно назвать эгоцентричностью речи (Я, по Декарту, центр моего сознания [7, с. 497]). Средствами выражения *эго-категории* в языке являются эгоцентрики, или эгоцентрические слова (термин Б. Рассела) [9, с. 19] – слова, которые формально или функционально выражают субъективную интенцию говорящего.

Понятие «субъективность речи» в значении её эгоцентричности необходимо отличать от понятия «субъектность речи»: *субъективность* до сих пор понималась как «специфическая функционально-прагматическая категория, абсолютным инвариантом которой является субстанциальное представление говорящего «я» как реального или потенциального субъекта сообщаемого отправителем речи факта [10, с. 85]. Таким образом, в отличие от такой субъективности языка, которую точнее можно было бы обозначить как *субъектность*, состоящей в стремлении вывести в центр внимания с помощью различных языковых средств говорящего субъекта, *субъективность* в её более широком понимании, а именно в значении

«эгоцентричность мышления», – это стремление вывести в центр высказывания с помощью различных языковых средств субъективные интенции говорящего.

Взаимоотношения *эго-категории* и категории «я-говорящий», т. е. *речевого субъекта*, – это взаимоотношения мышления и речи, взаимоотношения субъективности и субъектности.

Эго-катеорию не следует отождествлять с категорией я-говорящего, так как говорящий, как известно, не всегда говорит то, что думает. В отличие от я-говорящего, *эго-категория* обозначает только интенцию я-говорящего, она выражает тот смысл, который является наиболее актуальным в данный момент для мыслящего субъекта, и этим смыслом обязательно должен быть сам говорящий. Например, в высказывании «*Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя... То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя*» *речевой субъект*, т. е. я-говорящий выражает свои личные интенции только на уровне субъективных оценок, которые отражены, например, в семантике сравнительных оборотов и оценочных глаголов. Тогда как в высказывании «*Люблю прислушиваться к звукам. То за две комнаты от меня быстро проговорит что-нибудь в бреду моя дочь Лиза, то жена пройдет через залу со свечой и непременно уронит коробку со спичками, то скрипнет рассыхающийся шкаф, или неожиданно загудит горелка в лампе – и все эти звуки почему-то волнуют меня*» (А. Чехов) я-говорящий, т. е. *речевой субъект* предпочитает занять позицию *языкового субъекта*, используя различные языковые значения субъекта – личную форму глагола *люблю*, личные местоимения *меня, от меня, мне, моя*.

Таким образом, *эго-катеорию* не следует отождествлять с субъектом. *Языковой субъект* – это лишь один из способов реализации *эго-категории*. Если описывать *эго-катеорию* в теории полей [2, с. 35; 3, с. 17], то *языковой субъект* окажется в центре поля «эгоцентричность» как основное средство выражения *эго-категории*. Поле «эгоцентричность» от-

личается по своей сути от поля «персональность»: первое отражает картину отражения в языке категории субъективности, а второе – категории субъектности. Но при этом оба они имеют точки пересечения в виде различных обозначений языкового субъекта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. – Вып. 28. – М., 1986. – С. 5–33.
2. Бондарко А.В. К проблематике функционально-семантических категорий // Вопросы языкознания. – 1967. – № 2. – С. 18-31
3. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л., 1984. – 136 с.
4. Золотова Г.А. О субъекте предложения в современном русском языке. – Филологические науки. – 1982. – № 6. – С. 37-47.
5. Иосилевич Н.В. Соотношение подлежащего и дополнения с семантическими категориями субъекта и объекта: Монография. – Владимир, 2004. – 144 с.
6. Лекант П.А. Рациональное и эмоциональное в русском предложении // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка. – М., 2004. – С. 316.
7. Новая философская энциклопедия в 4-х т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. – М., 2001, т. IV. – 499 с.
8. Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. – М., 1957. – 555 с.
9. Химик В.В. Категория субъективности и её выражение в русском языке. – Л., 1990. – 184 с.
10. Шмелёва Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984. – С. 78-100.